

Родина слонов

Автор:

Олег Дивов

Родина слонов

Олег Игоревич Дивов

СССР-XXI

Мамонты почти как люди, только большие и мохнатые.

Двести лет назад россияне нашли этих удивительных зверей, объявили достоянием империи, спасли от вымирания, а дальше вся страна, что бы ни происходило, сберегала их как могла. Чукотские животноводы и русские зоологи ценили их жизни выше своих. Мамонт – символ России и ее национального характера.

На самом краю нашей земли – там, где холодно, голодно, темно и временами страшно, – мамонты строят дороги, возводят дома, перевозят грузы и спасают попавших в беду.

Судьбы мамонтенка Катьки и мальчика Умки были предрешены задолго до их рождения. Но все пошло наперекосяк, и теперь у директора питомника «Звезда Чукотки» две проблемы – куда пристроить гениальное четвероногое и как образумить талантливого сына.

Времена меняются, и будущее «рабочих лошадок Крайнего Севера» под вопросом. Каждый должен сделать нелегкий выбор. Даже мамонт.

Олег Дивов

Родина слонов

© Дивов О. И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Зимой сорок седьмого года, когда Берингов пролив сковало льдом, чукчи от нечего делать вспомнили, что давно не били эскимосов.

Не своих, конечно, эскимосов, эти – правильные ребята, а вон тех, неправильных, с другого берега. Чего они там? Задолбали.

Тут даже русским хватило бы повода для драки, а чукчи за такое вообще голову открутить могут.

Старики говорят, план набега был разработан по всем правилам чукотского оперативного искусства. А именно: бригадиру зверобоев Виктору Пузо, великому победителю китов и моржей, дали задание прочесть личному составу лекцию о вреде пьянства. Бригадир сначала малость оторопел, но, как человек ответственный, собрался с духом и удалился предаться размышлениям на берег моря. Там он долго глядел в бинокль на ту сторону пролива и наконец почувствовал: ему чего-то хочется. Не понять чего, но очень хочется. Тогда Виктор проявил чукотскую смекалку. Он созвал бригаду и поставил вопрос ребром:

– Джентльмены, вам не кажется, что эскимосы задолбали?

Ну, он, наверное, не совсем так спросил, но Пузо был старый и опытный, годков за сорок, застал еще период, когда на Чукотке орудовали американские купцы, малость балакал по-ихнему и слово «джентльмены» точно знал.

А бригада ему в ответ хором:

– Витя, да ты гений! Чего мы тут сидим и ждем милостей от природы, когда взять их – наша задача. На том берегу много полезных вещей, которым найдется применение в народном хозяйстве.

Ну, тоже несколько иначе это прозвучало, но смысл ясен.

Грابتь Аляску – чукотский национальный спорт в недавнем прошлом. На побережье считай у каждого второго дедушка форменный викинг в отставке. А у кого и отец успел, пока русские не сказали, что хватит уже, наверное, дурака валять, из-за вас американцы шибко сердятся... И вроде давно утрачены пиратские традиции, и все нынче грамотные культурные люди, им вон даже лекцию про алкоголизм можно прочесть, и они ее хотя бы в общих чертах поймут, – но как услышат слово «добыча», руки тянутся к винчестеру, а в глазах здоровый блеск.

И, короче, такая картина. На дворе стоит холодный и голодный одна тысяча девятьсот сорок седьмой год. Бригада мирных советских зверобоев хватается винтовки, прыгает по нартам, кричит собачкам: «Хак-хак!» и срывается в Америку. Резко, на полном газу, в обстановке крошечной секретности. Пока родственники и знакомые – оленеводы там или ребята с песцовой фермы, например, – сами не вспомнили, что так можно.

Вдруг на всех не хватит, надо успеть первыми, это главная чукотская стратегема.

Оленные люди паслись далеко, зато песцовая ферма в полном составе, разве что без песцов, догнала зверобоев уже на льду пролива через два часа и шибко ругалась, почему ее не позвали.

– Витя, ты же разведчик! Ну кто так делает?!

Действительно, кто так делает. Едва зверобои рванули в неизвестном даже их женам направлении, мигом заработал чукотский телеграф: «Братцы, там Витя Пузо со своими алкоголиками поехал грабить американцев! Кто не спрятался, мы не виноваты! И разумеется, мы вам ничего не говорили».

Ты же разведчик, Витя, должен понимать: нам до того берега сто пятьдесят с лишком километров, а от залива Лаврентия сто двадцать, а из Уэлена едва за девяносто, и пока мы тут вошкаемся, все уже там будут!

Устыдив таким образом бригадира, родственники и знакомые пристроились ему в хвост, и колонна ускоренным маршем двинулась к американскому берегу.

Вскоре на сходящемся курсе были замечены товарищи из Лаврентия. Их приветствовали радостными возгласами. А где-то далеко впереди шли упряжки конкурентов – зверобоев из Уэлена...

Вы понимаете, конечно: все это чушь собачья, байка, легенда.

Не мог кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу», взрослый человек, да еще и бригадир, учудить такое безобразие.

Было совсем иначе, ну совсем.

Сначала приехал с того берега эскимос Джонни Унук, контрабандист.

Потом Виктор Пузо отправился в питомник редких видов животных Академии наук СССР и пробыл там пару часов.

Следующим утром бригада выдвинулась на лед пролива добывать нерпу.

И дальше пару суток на советском берегу вообще стояла тишина.

А потом уж началось.

Впереди были события нелепые, трагические, романтические и снова трагические, а затем опять нелепые, но все они вели к тому, что в двадцать первом веке на свет появится Катька.

Часть первая. Кынтагыргын

Катка должен был вырасти силачом, умницей и писанным красавцем. Судьба породистого зверя решается задолго до рождения, ее диктует родословная, и Катку ждал заранее спланированный успех. Есть такая работа: просто быть звездой, огромной, пушистой и обаятельной. Блистать на выставках, сниматься в рекламе, красоваться перед заказчиками, всех очаровывать, всюду побеждать и, если совсем повезет, – задать новый стандарт породы. Катке предстояло «идти в племенное разведение», то есть прожить весьма упорядоченную, сытую, здоровую, но, по сути, довольно унылую жизнь.

В Каткином будущем не было места случайностям и происшествиям, авралам и тревогам, выживанию, завоеванию, преодолению и озверению, короче говоря, всему тому, что называют романтикой. Каковая романтика отнюдь не похожа на историю из книжки в розовой обложке про любовь и морковь, а больше смахивает на фильм-катастрофу. Выживание там, где мало не покажется; завоевание плохо лежащих территорий; преодоление катаклизмов, бюрократизмов и идиотизмов; ну и регулярное озверение от всего этого счастья.

У некоторых такая картина составляет обычные трудовые будни. Собственно, Каткиных предков растили и учили, чтобы на долю людей оставалось поменьше романтики и обходилась она малой кровью. Питомник «Звезда Чукотки» гордо звал свою продукцию «рабочими лошадками Крайнего Севера». Какой север, такие и лошадки. Здесь, на самом краешке русской земли, не нужны были флегматичные якутские монстры-тяжеловозы, способные ломиться сквозь леса, небрежно сворачивая плечом сосны, непрерывно жуя на ходу все, что подвернется, и раздавая оплеухи медведям, не переставая при этом жевать. Тут выводили свою породу – компактную, подвижную, быструю умом и забавно мохнатую, с уникальной «чукотской шерстью», которая давно стала торговой маркой сама по себе. Конечно, для титанических усилий вроде извлечения в одиночку бульдозера из болота местные звери не годились, зато отличались большой самостоятельностью, любили учиться, а еще ходили там, где тяжеловесы утонут, и не тратили по двадцать часов в сутки на еду. И, кстати, медведя поставить на место тоже могли.

В следующем поколении все замечательные признаки чукотской породы должны были достичь самой превосходной степени. Вдобавок заводчик планировал нарастить физическую мощь, чтобы успешно конкурировать с «якутами».

Спутать планы мог только генетический сбой. В Катькином роду шло «накопление интеллекта по линии отца». До определенного момента это очень хорошо, а потом линия словно устает – и происходит срыв. Детеныши рождаются умненькие и хорошенькие, но болезненные и с неустойчивой психикой. Судьба их в целом всегда печальна. Если выживут, им не позволят обзавестись потомством. Им трудно найти работу: слишком много о себе воображают. Конечно, драгоценной «чукотской шерсти» они дадут изрядно, только не ради этого зверь родился, не овца какая-то. Самое обидное, что среди бракованных особей встречаются поистине выдающиеся личности. Это именно они рисуют картины в зоопарке и показывают чудеса ловкости в цирке. Но между ними и публикой всегда будет решетка или прозрачный барьер. А то вдруг у животного не вовремя зашалят нервишки. А животное, простите, весит в среднем шесть-семь тонн.

Директор питомника считал, что до сбоя еще минимум одно поколение, беспокоиться не о чем. Его в основном занимало, как назвать будущего чемпиона породы, Корифеем или Колоссом. Или, например, Кировцем, тоже внушительно. На букву «К» [1 - Питомник «Звезда Чукотки» использует принцип именования, характерный для скотоводства, когда клички животных, родившихся в один год, начинаются с определенной буквы алфавита, от А до Я и далее по кругу; полная официальная кличка животного состоит из названия питомника и собственного имени, например, Звезда Чукотки Корифей. Помимо клички животному присваивается номер.] можно придумать столько мощных и сильных кличек – особенно когда в энциклопедию заглянешь, – трудно выбрать, трудно. Еще надо учитывать, что кличку неминуемо сократят, а ведь зверю с этим жить. Колосс, понятно, станет Колей, а Корифей, допустим, кем?

На случай, если родится девочка – разумеется, умница, красавица и силачка, – было утверждено однозначно имя Катерина: простенько, но со вкусом.

С именем для мальчика – ну прямо заклинило.

– Мальчик это самец! Мужское начало, убедительное и э-э... победительное! Выраженное через неповторимый чукотский дизайн и уникальное качество изделия! – заявил отдел продаж.

– Однако... – только и сказал директор.

Продажники ушлые ребята, но как начитаются всяких нерусских книжек про маркетинг, несут такую пургу, что закусить хочется.

– Сами подумайте: что мы людям предлагаем?

– Вот вы и подумайте, – ловко уклонился от ответа директор.

– Мы продаем людям радость обладания потрясающим зверем! И эту радость, это ощущение счастья надо отразить в имени!

– Ну опупеть теперь... – Директор машинально заглянул в раскрытую энциклопедию, увидел там слово «кентавр» и хмыкнул.

– Короче, услышав кличку животного, клиент должен поверить, что ему обалденно повезло. Что вот она, его удача. Наш мальчик должен... Э-э... Он должен символизировать!

– Символизировать – что? – уточнил директор, потихоньку закипая.

Тут какое дело: питомнику незачем держать в штате маркетологов и рекламщиков. Большую часть времени эти дармоеды здесь просто не нужны. Вот если они каюры или ветеринары по основной специальности, тогда пожалуйста. Но каюры люди занятые и имеют загадочное свойство: их никогда нет на месте, они всегда где-то еще; самое интересное – что это ты их туда и послал. А у ветеринара наоборот: режим постоянной готовности. Как у пожарного. Как у спасателя. Ветврач может сидеть на посту, а может на нем валяться, но – готовый ко всему. Ему некогда отвлекаться на исследования рынка, продвижение товара и зазывание туристов с материка на экскурсии в стойбище.

Поэтому отдел продаж у «Звезды Чукотки» самозародился. То есть пришел с песцовой фермы, где уже все наладил так, что песцы цвели и пахли, заскучал – и напросился поработать внештатно за проценты от выручки. Много хорошего насоветовал и внедрил, чего уж. Но когда этим двоим молодым охламонам становилось окончательно нечем заняться в питомнике, их прогоняли обратно к песцам. Какой ерундой они там страдали помимо маркетинга и рекламы, было неизвестно и, говоря по чести, никому не интересно – может, чистили клетки.

Так или иначе, они пропадали на ферме неделями и явно в это время учились плохому.

Потому что возвращались с завиральными идеями и нелепыми слоганами.

– Короче, наш мальчик – гарантия вашего успеха!

Директор почесал в затылке. Ему показалось, он нечто подобное уже видел или слышал. Ах, да, конечно. На строительном рынке. «Наш линолеум – гарантия вашего успеха!»

– Успех – это понятно, – буркнул директор. – А зовут-то его как?!

– Кынтагыргын! [2 - Кынтагыргын (чукотск.) – удача; счастье в значении «удача».] – не моргнув глазом, сообщил рекламщик.

– Чего-чего?..

– Кынтагыргын...

– Это ты для русских новое ругательство придумал? – спросил директор с приторной нежностью, не предвещавшей ничего хорошего.

– Чукотская экзотика... – вступился за товарища маркетолог.

– Кентавр! – отрезал директор.

– Тоже неплохо...

– Ты – кентавр! Чукотский экзот! Исчезни, однако! Дуй к себе на псарню и не мешай людям работать!

Продажники сделали вид, что шибко обижены, и удалились, а директор снова засел над энциклопедией. Кентавр действительно неплохая кличка, но лишь на первый взгляд. Парня станут звать Кентом – не то, не то...

Приехал со стойбища главный зооинженер Андрей Пуя, посмотрел на директора и спросил:

– Начальник, помнишь, отчего наши предки не советовали долго глядеть на улетающих птиц? Один вот так глядел-глядел и тоже улетел к чертовой бабушке. Духи его забрали, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Ну хоть ты-то...

– У меня, начальник, шкурный интерес. Когда тебя увезут в психушку, я как старший по должности обязан взять на себя руководство питомником. Во-первых, я не хочу. Во-вторых, я не готов. В-третьих, я был против. Чемпион породы это твой эксперимент, ты всю кашу заварил, будь любезен оставаться в строю, пока не родится.

– Хорошую мы подготовили молодежь... – протянул директор. – Чуть запахло керосином – все бегут к тебе с докладом, мол они не виноваты и на них не рассчитывай!

– Понял, чувство юмора атрофировано, – кивнул зооинженер. – Хреновый симптом, начальник. А кушаешь ты нормально? А как половая жизнь?

– Кентавр ты, Андрюша, вот что я тебе скажу!

Зооинженер поспешно удалился, посмеиваясь, но смех был нервный.

Директор какое-то время бродил по кабинету и даже почти собрался на улицу. Срочных дел не предвиделось, а энциклопедия – вот она. Директор вздохнул, уселся, раскрыл книгу и погрузился в нее, как говорится, с головой.

Он понимал, что занят ерундой, но уж больно эта ерунда оказалась увлекательной.

* * *

Энциклопедия была Большая Советская, буква «К» расползлась по ней аж на четыре тома. Вскоре у директора начал подергиваться глаз. Он обозвал дочь катахрезой, а сына катарсисом. Супруга – чистое золото, а не женщина – спокойно заметила, что и первое, и второе, в общем, недалеко от истины, но пора бы, дорогой, завязывать с твоими изысканиями, пока не обнял кондратий. Директор отмахнулся: мне до кондратия еще пилить и пилить, я сейчас на «ки».

С некоторым усилием жена добила, чтобы он не таскал энциклопедию домой. Нечего детей пугать. Сидишь в кабинете, вот и сиди. Там хотя бы под боком ветврач, и у него режим постоянной готовности к чему угодно. Вплоть до кондратия.

В одном мудрая женщина немного слукавила, пытаясь давить на чувства. Дети были не из тех, кто легко пугается. Они практически выросли в питомнике, или, как говорят животноводы-заводчики, на питомнике, и сами могли напугать кого угодно.

Мама уже подслушала разговор, смысл которого сводился к тому, что папа ходит явно перевозбужденный – вероятно, у него начинается брачный период, – но бедняге почему-то до сих пор не усилили рацион; конечно, маме лучше знать; у нее полно забот, могла и не заметить; папа будет худой и облезлый; надо подумать, чем мы можем помочь...

– Кстати, а он нормально кушает? – спросил Андрей Пуя, когда мама созвала консилиум из доверенных лиц. – И, простите за интимную подробность, как у него с половой жизнью?

Ветеринар Петя Омрын на правах старшего товарища посоветовал зооинженеру не умничать. Нашелся тоже образованный. Согласно многолетнему ветеринарному опыту, симптомы нервных заболеваний средней тяжести у животноводов успешно снимаются огненной водой. А детям надо перекрыть доступ к аптечкам, пока не осчастливили папашу каким-нибудь самодельным витаминным комплексом. Может получится смешно, а может и конский возбудитель, это как повезет.

Мама напомнила, что аптечка висит на сбруе дежурного тягача, и детям не придется даже за ней карабкаться – по команде «медицинская тревога» сам отдаст.

Андрей заявил, что всегда был против слишком раннего вовлечения детей в профессию вообще и в жизнь питомника в частности, – и откланялся.

– Спасибо тебе большое, – сказала мама.

Петя решил, что надо проверить, надежно ли запираются шкафчики в ветслужбе, – и тоже ушел.

– И тебе спасибо, друг, – сказала мама.

Потом тяжело вздохнула – и пошла ставить детям задачу, которая направит их мысли в безопасное русло. Пока юные зоотехники не начали тайком сыпать кормовые добавки папе в кашу. Петя верно говорит: может получиться не так смешно, как хотелось бы.

Детей мама нашла на пригорке за оградой питомника. Точнее, она заметила там дежурный тягач и штук двадцать упряжных лаек, а где-то в этой куче меха пряталось искомое. С пригорка открывался потрясающий вид на тундру, и летом здесь можно было сидеть до бесконечности. Долина, окруженная холмами, пара блюдечек-озер, и все зеленое с рыжим, переходящим в красный и коричневый. Россыпи грибов и ягод, снующие повсюду евражки... Даже бочка из-под топлива, затесавшаяся в пейзаж, ничуть не портила картину, поскольку была ржавая и попадала в общий тон.

Когда погода не шалила и работа позволяла, мама с папой отсюда вечерами смотрели на закат. Он такой фиолетовый... А впрочем, это бесполезно. Словами не передать. Ничего не говорят «красный» или «рыжий» о настоящих цветах летней чукотской природы. Как ничего не скажут про зиму «белый» и «серый»; тут от белого можно ослепнуть, а от серого повеситься...

Дежурный тягач Суслик, по документам Звезда Чукотки Сумрак, облаченный в сбрую с оранжевыми «мигалками», прожекторами, аккумуляторами, огнетушителями, топором, лопатой, багром, подвеской для раненых и прочими инструментами на случай апокалипсиса или визита пожарной инспекции, нес службу чутко и четко. Услыхав позади шаги, он радостно замахал хвостом, и когда мама подошла, легонько тронул ее хоботом: у нас тут порядок, я слежу. Мама одобрительно похлопала его по ноге, забралась в кучу собак, отыскивала там детей, обняла их и приступила к инструктажу.

– Если вы заметили, папа необычно себя ведет, – сказала мама. – Вероятно, у него ранговый стресс в стадии мобилизации. Папа готовится вывести чемпиона породы и так этим увлекся, что чемпион еще не родился, а по ощущениям он уже как бы здесь. И папа с ним заочно налаживает отношения. Хочет дать ему имя, то есть выстроить иерархию. Ведь имя всегда старший по рангу присваивает младшему. Понятно, да? Когда найдется имя, в ту же минуту иерархия наладится, и проблема испарится, будто не было ее. Но на данный момент, дорогие мои юные зоологи, у нас нештатная ситуация. Мы не можем удалить из питомника стрессор, который изводит бедного папу. Стрессор – это сам папа. Значит, надо его выручать. Пока он себя не замучил до стадии истощения.

Хотите верьте, хотите нет, именно такими словами мама объяснила детям положение вещей.

Юные зоологи поняли задачу правильно. На завтра они принесли из школьной библиотеки детскую энциклопедию, том на букву «К» – и влипли в него, изредка выписывая на бумажку потенциальные имена. Это оказалось увлекательно и весело. Иногда настолько весело, что можно было позволить себе упасть с дивана и кататься по полу. Но, отсмеявшись, дети продолжали работу. Дело-то серьезное.

Слова «Киндерсюрприз» в книге не было, мальчик вспомнил его сам.

Девочке нравилась кличка «Кен». Кто бы сомневался.

С точки зрения детей оба имени звучали просто сногшибательно, но пока у папы ранговый стресс, он их вряд ли оценит. Взрослые особи в состоянии рангового стресса не слушают младших. Поэтому родился коварный замысел: придержать Кена и Киндерсюрприза до момента, когда отец хотя бы немного расслабится – и вот тогда его внезапно ошарашить. Чтобы наверняка.

Тем временем в кабинете директора полным ходом шел творческий поиск, больше похожий на муки творчества, грозящие вскорости обернуться банальными муками без какой-либо творческой составляющей, даже самой завалящей.

– А вот как тебе прозвище – Киловольт? – бурчал директор, не отрываясь от энциклопедии. – Чувствуется в нем... Энергия. Или лучше Километр, а? У нас тут с километрами получше, чем с киловольтами.

– Перестань уже, – просил ветеринар Петя Омрын. – У тебя скоро дым из ушей пойдет от этих твоих киловольтов.

– О! Придумал! Сам придумал, ты послушай! Килотонн! Термоядерное имечко, а? С намеком! Символизирует!

– Да чего ты мучаешься, назови парня Кошмаром и все дела, – советовал Петя. – Хороший будет – смешно получится, а плохой будет – точно не ошибешься.

– Я те дам – плохой! Хороший будет.

– Мы плохих не делаем, – соглашался Петя.

По счастью, директор не успел довести стресс до стадии истощения. Бесплодный творческий поиск был прерван самым убедительным, хотя и суровым образом.

* * *

Когда ультразвуковое исследование показало, что мамаша Арктика носит двойняшек, ветеринар с перепугу выдул одним махом стакан огненной воды, а потом уже пошел к начальству.

– Катастрофа, «однако»... – с трудом выдавил Петя.

Чукчи говорят однако в трех случаях: если хотят прикинуться чукчами, если охота подшутить над русскими или когда все пропало и осталось только ругаться последними словами. Пете Омрыну было совсем не до шуток.

– Да ты пьяный, – сказал директор.

– Тут напьешься! – сказал Петя.

И объяснил, что стряслось.

Директор открыл сейф, достал чекушку огненной воды и присосался к ней, как теленок к вымени. Потом немного посидел молча, утираясь рукавом и переваривая сенсационную новость. Встал и решительно направился к вольеру, где мирно хрумкала капустой будущая мать.

Хороша была Арктика: к двадцати двум годам вымахала до трех с половиной метров в холке, но осталась легкой на ногу и неуловимо женственной. Длинная бурая шерсть от здоровья аж лоснится, задорная рыжеватая челка спадает на живые веселые глаза, а как зверюга хвостиком машет – поневоле заулыбаешься.

Директор улыбаться и не подумал: он был испуган и зол.

– И какая ты после этого Арктика?! – заорал он. – Ты Африка, однако! Я же тебя вот этими руками выкармливал... Анархия ты, однако, маму твою за ногу!

– Мама – Анархия, папа – стакан портвейна... – буркнул Петя.

Папу звали по паспорту Спутником, но чаще – Слонопотамом за склонность к дурацким выходкам, от которых вроде никому не плохо, но хочешь не хочешь, а призадуматься, чего зверь имел в виду. То он начнет вертолету раскручивать винт, то укатит пустую бочку и затеет с приятелями внеплановый футбольный матч на пересеченной местности; а то и вовсе украдет мороженую рыбу и учит ездовых собак ходить на задних лапах за поощрение.

С другой стороны, в этой веселой семейке дедуля вообще бензин нюхал.

– Слониха небритая! – рявкнул директор.

– Иван, ты это... Ты полегче, – сказал Петя. – Ты не наезжай. Она все-таки в интересном положении, ей волноваться нехорошо.

– Мы все теперь в интересном положении, однако! А эта зараза волосатая...

Волосатая зараза перестала жевать, скосила добрый карий глаз на директора, протянула хобот сквозь решетку и ласково потрепала человека по щеке. Мол, ты не переживай. И дальше захрумкала.

У директора сделалось такое лицо, будто он сейчас то ли пристукнет кого, то ли разрыдается. Петя взял его за рукав, отвел в ветслужбу, достал огненную воду из белого шкафчика и культурно разлил по чайным чашечкам.

– Катастрофа, однако... – протянул директор. – Это ты верно сказал. Вот так девку и назовем. Если, однако, еще родится. И если, однако, выживет.

– А парня? – спросил Петя, надеясь хоть так отвлечь друга от грустных дум о предстоящем. Им еще почти два года всем питомником страдать, ожидая результата, либо плохого, либо совсем плохого.

Двойня могла с равным успехом как погубить мамашу, так и родиться нежизнеспособной. При известной удаче все обойдется, но детеныши получатся слабые, с непременным «дисквалифицирующим браком» по здоровью, и уж точно психика окажется ни к черту. При большой удаче – нормальные, просто мелковатые. Не вырасти им крепышами, не идти в разведение. А идти вкалывать, пахать и вламывать. Туда, где романтика Крайнего Севера, будь она неладна.

Чукотский мамонт относится к классу «тяжелых биологических систем». Универсальная рабочая сила и транспорт для экстремальных условий. Всепогодный тягач, вездеход, погрузчик, грейдер, бульдозер, экскаватор, подъемный кран. Все эти роли он может выполнять без прямого руководства, ты ему дай общие указания, покажи направление – сделает. Еще он квалифицированный спасатель. Наконец, это мобильная огневая платформа, способная, если у наездника кончились патроны, самостоятельно вывернуть наизнанку зазевавшегося полярного волка. Удар хоботом просто сокрушительный. Медведям они в одиночку морду бьют, – несмотря на высокий рост, мамонт очень устойчив и на своих коротких лапах крутится, как заводной: куда ни сунься, всюду бивни. Впрочем, такое видали лишь старики. К мамонтам лезли совсем оголодавшие медведи, и то в надежде украсть детеныша, а нынче даже не пробуют. Мамонт – гарантия того, что крупных хищников поблизости не будет.

Работает на мамонте оператор с дипломом «каюра тяжелых систем», и пашут они вдвоем лет двадцать, тридцать, а то и больше. Сами догадайтесь, какие отношения складываются в такой паре. А для заводчика каждый его мамонт – почти дитя родное. Красавица Арктика устроила неприятнейший сюрприз что директору, что Пете, но в первую очередь оба переживали за ее здоровье. Бедная девочка. Чем бы тебе помочь...

Директор залпом опрокинул чашку, отдышался, занюхал рукавом ватника и уставился в потолок.

– Если парень уцелеет, будет он по жизни простым бульдозером. Значит... Что там у нас есть бульдозерного? Ага. Катерпиллер! Вот его имя. И точка.

– А чего не Кошмар-то, однако? – спросил Петя самым невинным тоном.

Директор подхватил с пола старый валенок, служивший домиком для кошки, и засветил им вместе с кошкой ветеринару в лоб.

* * *

С детства Умка полюбил море.

Он слышал тихий голос моря, иногда даже лучше, чем тайные голоса людей и зверей. Холодное, суровое, опасное – море шептало ему добрые слова. Умка знал: море не злое, оно просто такое, какое есть. И когда в его водах гибнут люди, это вовсе не море убивает их. Убивают глупость и самонадеянность. Если сели в железное корыто и принялись на нем рассекать волны, упиваясь властью над стихией, рано или поздно вы со своим корытом опрокинетесь. А раз залезли в консервную банку и давай туда-сюда нырять, радостно пуская пузыри и воображая себя победителями глубин, так не забудьте, что на каждую банку найдется своя дырка. Море наглых не любит и ошибок не прощает. Ты понимай это, уважай это и будешь всю жизнь гулять по воде аки посуху. Если повезет, конечно.

Умка видел, как в Уэлене ходят зверобои на крошечных моторных лодочках добывать кита допотопными гарпунами. Уважение к морю у этих людей было в крови. В старые времена если кто упадет за борт, его и не думали спасать.

Потому что нельзя отвлекаться, надо гарпунить зверя и тащить на берег, тогда у племени будет вдоволь еды, а выживание рода важнее, чем судьба одного недотепы или невезучего. Здесь море вписалось в генетический код людей самым буквальным образом: тысячу лет их род питался морской добычей, и теперь им попросту вредно есть макароны – организм возмущается. Поэтому специально для них, да еще для американцев с другого берега существует международная квота, полторы сотни китов в год – кушайте на здоровье.

В родном селе Умки тоже были умелые зверобои, просто не такие знаменитые на весь мир, как уэленские – тамошние оказались, что называется, хорошо раскручены. Им действительно без китового мяса хоть зарежься, ну и просто так сложилось, что морская охота в Уэлене это опасное и суровое предприятие, но еще немножко праздник и в изрядной мере спектакль. Туда приезжает телевидение, на берегу толпятся разодетые в пух и прах туристы из самой Москвы, а кто воображает себя вовсе отчаянным, тот лезет в специально отведенный для таких лоботрясов катер и болтается на волнах, наблюдая работу гарпунщиков с близкого расстояния. И все потом говорят: очень жалко бедного кита... Ну и чего ты полез к нему вплотную, когда его убивают? Кит это добыча. Добыча это еда. Еда это жизнь. Вот у нас тут жизнь такая, извините, а иначе мы загнемся.

Когда зверя вытаскивают на берег и к нему сбегается народ с ножами и ведрами, гиды деликатно просят туристов удалиться. Туристы удаляются, а после рассказывают ужасы о кровожадных береговых чукчах, пожирающих китов едва ли не заживо. Непременно добавляя, что чукчи не виноваты, просто условия у них трудные, но очень жалко несчастную зверушку. Когда сами наворачивают оленину за обе щеки, им олешку не жаль почему-то. Станный народ – туристы.

Умка глубоко уважал морских зверобоев, но стать таким же вовсе не мечтал. Ему нужен был простор и размах. Он хотел прикоснуться к силе, хотя бы примерно сравнимой с неодолимой силищей моря. Когда сквозь туманы и морозы, обледенение и остервенение, и волну до неба, по самой грани законов физики и уже за пределами человеческого страха ломится к черту на рога стальной монстр с ядерной силовой установкой... Умка хотел на военный флот, на Северный. Круче Северного флота в России ничего не придумали, разве что космические полеты. Только космос не звал Умку, как звало море. Может, звезды и пытались разговаривать с ним, да больно далеко, не слышать.

Умке было восемь лет, когда он впервые поделился своими мечтами с сестрой Валентиной. Все, что случилось дальше, сначала озадачило мальчика, потом разозлило, но главное – он поймет это много позже, – именно тогда начался отсчет его настоящей жизни. Пока ты плывешь по течению, не имея собственных целей, это еще детство. Придумал себе будущее, готов за него пострадать, драться в открытую или добиваться молча, стиснув зубы, никому не открываясь, пахать на результат, – здравствуй, жизнь. Тяжело, зато не скучно.

И вообще, если тебя никто не понимает, легко вообразить, что ты трагическая фигура, какой-нибудь Одинокый Рейнджер или, например, Бэтмен, на худой конец, Чебурашка. Его тоже не принимали всерьез, пока был маленький и жил с крокодилом. Потом он вырос и пошел служить в десант. Тут-то всем и стало весело.

По традиционным чукотским понятиям Умка рановато осознал себя отдельной личностью, самостоятельным человеком, у которого свои цели, и он намерен их достичь. Мог бы еще подождать. Но ничего страшного в этом не было и уж точно ничего плохого. Формально детство Умки кончилось давным-давно, в пять лет, когда из мальчика начали растить настоящего боевого чукчу; вся разница, что не воина, а животновода. Отец поступил с детьми так же, как обошлись с ним – конечно, намного мягче, но в целом по заветам предков. Сначала играючи, а потом уж не на шутку они учились встречать лицом к лицу треклятую романтику, чтобы выжить там, где с непривычки взрослыедохнут, и выжить непременно, иначе мама расстроится.

То, что Умка фактически жил на питомнике или с ним же в стойбище, усваивая от папы с мамой курс зоологической науки и практических умений, попутно впитывая мудрость ветеринара и бредятину отдела продаж, – считалось и вовсе нормально.

Правда, главный зооинженер Андрей Пуя говорил, что ничуть это не нормально, что детей лишают свободы выбора, а так нельзя. Если у тебя в голове одни мамонты и ты без них жизни не представляешь, то будущее твое, считай, определено – ну и чем ты отличаешься от племенного зверя?.. Но Андрей остался в меньшинстве. Ему сказали: ты сначала нарожай своих, вот тогда и поглядим, где пройдет их счастливое детство, в школе-интернате или на питомнике...

А еще ведь приезжало на занятия училище, известное в чукотском народе как «ковбойский техникум» или «скотобаза-ПТУ» – это смотря по тому, насколько вы его любите, – и брат с сестрой не просто крутились под ногами, а принимали самое деятельное участие в семинарах и тренировках. За плечами Валентины было уже четыре учебных полевых выхода, у Умки – два, летний и зимний, оба без приключений и нареканий.

Поэтому когда восьмилетний чукотский ковбой сообщает тебе по большому секрету, что у него есть заветная мечта стать вовсе не животноводом, а военным моряком, ты меньше всего задумываешься, кем он себя воображает, Одиноким Рейнджером или Чебурашкой. Таскать героя за уши уже поздно.

Валентина девочка рассудительная и обстоятельная, на два года старше, приняла фантазии брата настолько близко к сердцу, что попыталась выбить их из героя подзатыльниками, но как-то не преуспела. Тогда она вдруг заплакала и назвала его предателем. Умку это поразило до глубины души. Он спросил:

– Почему?!

– Да потому что ты меня бросишь, и мне придется тянуть питомник в одиночку, а я на тебя рассчитывала! У тебя же талант, это все знают. И ты хочешь не только меня предать. Мечтая сбежать из дома в море, ты свой талант предаешь. Все говорят, что тебе надо закончить училище, и ты будешь прекрасным специалистом, даже, наверное, великим, продвинешь наше дело, как никто не продвигал. Много я тут смогу без тебя? Представь, каково мне будет лет через двадцать, когда папа с мамой состарятся. А дядя Петя уже стареет на глазах.

– Тебе каюры помогут, – буркнул Умка, глядя под ноги. – Они будут все делать, а ты – командовать.

– Да что каюры, они наемные работники, ты вообще о чем?! Каюр сегодня здесь, а завтра ему показалось слишком трудно в питомнике, он уволился и сбежал к дорожникам или строителям. И ладно бы по-хорошему, а то и по-плохому...

Тут Умка совсем потупился. Он знал, как выглядит «по-плохому», видел это в прошлом году, когда ушел к строителям каюр Саша. Каюры в питомнике отвечают за группы животных, опекая их и тренируя, но у каждого есть «основной», на нем оператор ездит верхом большую часть времени. Связь

наездника с этим зверем очень крепкая в обе стороны: верные друзья, если не братья, понимают друг друга без слов. Уходя из питомника, каюр постарается забрать «основного» с собой в аренду. Вопрос не финансовый, отдадут недорого или вовсе под честное слово, лишь бы у зверя не было травмы от расставания. Но случается, что каюр нужен кому-то позарез и на большие деньги, а зверь – нет, он только мешать будет. В том году строители искали специалиста в разгар сезона, у них внезапно умер один верховой от сердечного приступа, и животное впало в депрессию. На замену не годился зеленый выпускник училища, требовался человек опытный, чтобы утешил и быстро вернул к жизни убитое горем существо. Прораб давил на жалость изо всех сил: ребята, спасите-помогите, у нас самый лучший подъемный кран загибается, ну вы же его помните, у вас и покупали, вон, Саша его когда-то учил работать... И денежку прораб сулил немалую. И соблазнил-таки Сашу. Выслушал тот от директора пару ласковых русских слов, постоял в обнимку с любимым зверем, приговаривая: «Какая я, однако, жадная скотина!» – и все равно уволился. А зверя потом Петя держал на уколах три месяца...

– Ковбоев у нас полное училище, – заявила Валентина с такой взрослой тоской в голосе, будто прямо сейчас готова это училище возглавить и студентов всех немедленно отчислить, а преподавателей уволить. – Мы сами с тобой ковбои, хоть и маленькие еще!

– Ну да... – осторожно согласился Умка, не вполне понимая, к чему сестра клонит.

– Каюры, зоотехники... Им всем читают курс племенного разведения. Но никто тебе не скажет, из кого получится заводчик. Это же не профессия, это призвание. Оно может вообще спать, а потом внезапно проявиться. Мама говорит, в человеке загорается такая искорка... И в тебе она есть. Я заметила, еще когда мы баловались, выдумывая клички...

– Мы не баловались! – возмутился Умка. – Я помню имена, Кен и Киндерсюрприз! Мы тогда и договорились – подождать с ними, чтобы папа очухался. Я давно ловлю момент, просто как-то не получается. Ничего, я умею долго ждать. А ты забыла?!

– Вот видишь, для тебя это была не игра! – обрадовалась Валентина. – Сколько времени прошло, да, прости, я забыла... А ты принял все очень близко к сердцу, и это прекрасно. Ты ведь понимаешь зверей как никто, и они тебя любят. У тебя

душа заводчика, они это чувствуют. А я тебе помогать буду.

– У меня душа моряка, – заявил Умка, расправляя плечи. – А ты хочешь, чтобы я просидел двадцать лет в зверинце. Потом окажется, что я не гожусь в заводчики, и мне поздно идти в море. А тебе этого и надо было. Ага?!

В последовавшей короткой драке верх одержала сестра, и Умка себе напомнил, что настоящий чукотский воин немногословен. Он сначала думает, потом делает и только потом спрашивает у трупа: «Ага?!»

– Милый Умка, пойми, ты очень нужен дома! – взмолилась Валентина, сидя на поверженном, но не побежденном чукотском воине. – Ты всем-всем-всем нужен здесь!

– Не называй меня так, моя фамилия Умкы [З - Умкы (чукотск.) – медведь (в значении «взрослый белый медведь-самец»); произносится с ударением на последний слог.], – хмуро сообщил брат. – Как и твоя, между прочим.

– Да иди ты... в море! – сказала Валентина. – Тоже мне нашелся... Чукча!

И нажаловалась маме.

* * *

Мама Наташа обняла дочку, прижала к себе, погладила по голове и сказала:

– Милая моя, ну зачем так волноваться из-за пустяка. Умка еще совсем маленький, он впечатлительный мальчик, посмотрит какой-нибудь фильм, где сплошная романтика, и сразу мечтает о подвигах. А у нас тут с подвигами не очень. Не любим мы их. И профессии совсем не геройские.

– Ничего себе не геройские, – буркнула Валентина из маминых объятий, где было так уютно, что хоть на всю жизнь оставайся. – Да вы же с папой... Да у вас одних поисков сколько... Вы кучу народу спасли!

– Ну, спасали, Умка знает. А еще он знает, что каждый раз было очень холодно и ничего не видно, – сказала мама, глядя куда-то далеко и едва заметно покачиваясь, словно убаюкивая дочку. – Разве это интересно? Слишком похоже на работу...

Специальная чукотская работа для мамонтов и их операторов, которую не особенно любят первые и совсем не любят вторые, но только они могут ее выполнить: когда холодно и ничего не видно, идти на выручку людям. Своя туман или пургу напролом; это называют «пробивать погоду». Очень веско и очень верно.

На Большой Земле, или, как еще говорят, на материке, есть четкие понятия: время, расстояние, скорость по пересеченной местности, запас хода при полной заправке и тому подобное. Зная эти параметры, можно более-менее рассчитать, когда попадешь из точки А в точку Б. Хорошо живете, однако! На Чукотке все измеряемые величины сугубо относительны, а говоря по чести, баловство одно. Ничего ты здесь не рассчитаешь никогда. Ни в чем нельзя быть уверенным. Кроме погоды и мамонтов. Если погода хорошая, она внезапно и резко превратится в непогоду, а мамонт либо одолеет ее, либо нет.

Погода ломает все планы: минуту назад ты шел к вертолету, теперь сиди и жди. Над тобой ясное небо, а за двести километров армагеддон. Или того веселее: в точке А и точке Б красота, а на полпути народ прячется по машинам, прихлебывает из термосов чего у кого налито и радуется, что успел остановиться, пока еще видел дорогу... А вдруг кто-то тяжело болен, или ранен, или, допустим, рождает? Или просто сгинул в более-менее известном направлении, и надо его искать, а тут снежная буря? К счастью, погоду может в принципе забороть мамонт. Это уникальный вездеход, он пробивается сквозь лютое ненастье и держит заданный курс при нулевой видимости. Опытный каюр идет на мамонте через пургу, как на субмарине: по карте и компасу. Вопрос обычно в том, есть ли причина так рисковать. В тундре слепые курсы относительно безопасны, но на сложном рельефе усталый мамонт не всегда успевает почуять трещину или расселину. А не дай бог обрыв прохлопаешь – загремите с него и погибнете оба.

Ходят спасатели чаще по трое: головной зверь налегке, позади двое буксируют волокуши с комбикормом и палаткой. На третьего навьючена рация, и он всегда замыкающий, его вперед не ставят. Иногда берут четвертого, если надо тащить передвижную операционную с хирургом, дрыхнувшим внутри пока можно. В

такой комплектации спасательный отряд становится и правда чем-то вроде подводной лодки. Его полная автономность от двадцати дней до месяца, а дальность суточного перехода ограничена только выносливостью людей. Мамонты топают себе и топают, надо лишь менять головных местами, чтобы отдыхали от прокладывания тропы и могли подкрепиться, хватая на ходу пищу с волокуши. С одной четырехчасовой стоянкой покрыть сто километров за сутки не проблема. Если каюры готовы спать по очереди в подвесных мешках, а животные в хорошей форме, можно рвануть километров на пятьсот без остановок вообще, но это крайний случай, и мамонтам вредно – они сожгут весь свой «носимый запас» жира и долго будут восстанавливаться потом.

Именно ради спасательных операций будущий каюр осваивает в училище как минимум одну дополнительную специальность: фельдшер, механик, радист. Попутно каюрам объясняют, что выручать заплутавших в пурге – их почетная обязанность и священный долг, и уж если взгромоздился на мамонта, будь готов в любой момент идти на помощь.

Идут, куда они денутся. Обычно бывает холодно и ничего не видно, а временами темно и даже страшно. Но и в такие моменты – очень похоже на самую обычную работу. Скучные у нас подвиги, ну извините.

А если вдруг нескучные, то какие-то нелепые. Вон в том году мамонт Тапок, он же Тапочек, он же Звезда Чукотки Танк, пробежал за два с половиной часа сорок километров, перевоза в мешках на внешней подвеске четверых с острым пищевым отравлением. И все бы ничего, однако на финише марафонец не смог затормозить и врезался в стену больницы так, что посыпались стекла. Каюр влетел в коридор второго этажа с оконной рамой на шее, а Тапок тем временем деловито извлекал пострадавших из мешков и совал в разбитое окно приемного отделения...

– То ли дело в кино, там все красиво горит и взрывается, а ты в последний момент падаешь с неба, и тебе после дают орден... – сказала мама и почему-то вздохнула. – У мальчика еще мало жизненного опыта, чтобы разобраться, что к чему. Поэтому Умка мечтает стать кем-то, кого здесь не бывает, если ты понимаешь, о чем я.

– Суперменом, – Валентина представила себе чукотского Супермена, и слезы у нее мигом высохли. Это оказалось такое несуразное существо, что даже сами чукчи вряд ли сумеют выдумать подходящий анекдот.

Мама хмыкнула.

– Да хоть Бэтменом, главное – не таким, как мы, – сказала она.

– А чего с нами не так? – мигом насторожилась Валентина.

– Да с нами все прекрасно, – заверила ее мама. – Мы – та еще суперсемейка. Второй такой на Чукотке просто нет. Только никому не говори, что я тебе это сказала. Подумают, будто мы задираем нос, нехорошо получится. Люди, в общем, сами знают, кто в поселке Супермен и что у него Бэтмен работает ветеринаром.

– Точно! А Умка не понимает!

– Он привык. Он думает, это нормально. Он вырос на питомнике и еще мало знает мир нормальных людей, ему сравнить-то не с чем. Дай Умке время, чтобы глаза у него раскрылись пошире и он рассмотрел как следует то, что под самым носом. Сейчас мальчик глядит далеко-далеко, за горизонт. Туда, где ему кажется интересно. Сегодня он хочет стать знаменитым капитаном, через месяц – военным летчиком, а там, глядишь, соберется в космонавты. Потом вырастет, поумнеет и все поймет, я тебе обещаю... А еще, рано или поздно его талант возьмет свое. Можно бежать на край света, пытаюсь изменить судьбу, только от себя не убежишь. А мы и так на краю света, нам и бегать незачем.

– Вот он и хочет удрать отсюда! – почти закричала Валентина. – Потому что край света и никаких приключений! Он совсем не понимает, как тут все серьезно, ему на Чукотке скучно! И ты, мама, напрасно считаешь, будто этот второклашка завтра передумает. Он очень упорный, и если чего вбил себе в голову – точно уплывет за тридевять земель отсюда, только мы его и видели... Сам сказал: «Я умею долго ждать». Знаешь, как сказал?! Как настоящий чукча! Я даже испугалась. Надо прямо сейчас объяснить ему, что он ошибается, пока еще не поздно. Можно к папе схожу? Пусть на Умку повлияет.

– Только этого твоему отцу не хватало для полного счастья. Со дня на день Арктика родит, папа с дядей Петей оба как на иголках. Они сейчас не Супермен и Бэтмен, а Чужой против Хищника. Не советую. Съедят.

– Не съедят! Пускай отвлекутся на Умку, им полезно будет немного развеяться, а ему – чтобы повоспитывали. А то он совсем избалованный стал.

– Ну пойдی обрадуй папу, что у него в семье растет капитан дальнего плавания, – сказала мама, пряча улыбку.

– Мы из него сделаем человека! – пообещала Валентина.

И пошла жаловаться отцу.

* * *

Отец сначала прикидывался, будто не понял, чего от него хотят, поскольку воспитывать детей терпеть не мог. Говорил, мои отпрыски мне нравятся в любом виде кроме дохлого и грустного, а воспитанием я занят круглосуточно со зверьем и сыт им по горло.

В детях он натурально души не чаял, очень надеялся, что оба продолжат его дело, и сам не заметил, что сильно перегрузил их специальной информацией и взрослыми навыками, попутно задирая самооценку до небес. У Валентины с ее душой нараспашку это все фонтанировало наружу, а интровертный Умка тихонько закипал, будто скороварка, которой вот-вот сорвет клапан.

Как еще детям себя чувствовать, если у них прадед был белый шаман, дед – кавалер ордена Трудового Красного Знамени, а папа – глубоко законспирированный Супермен... А сами они запросто водят по питомнику экскурсии, вызывая у туристов бешеный восторг пополам с обалдением от крутизны чукотских школьников. Тут впору сбрендить от собственной значимости. Но тебе напоминают, что нельзя задирать нос, ведь чукчи скромные ребята, – и ты очень стараешься поддерживать этот имидж.

Кстати, слово «имидж» у тебя от зубов отскакивает: ты действительно знаешь, что оно значит, тебе отдел продаж объяснил. Ты вообще знаешь очень много слов.

Если бы одноклассники могли, они бы тебя били каждый день просто из зависти. Но у них руки короткие с тобой справиться.

В результате такой педагогики Умка, даром что второклашка, воображал себя настоящим чукчей, которого хоть сейчас отправляй покорять Галактику пешком – он сможет. А Валентина к десяти годам набрала колоссальную пробивную силу и беззастенчиво ее применяла то к маме, то к учителям, то к своему любимцу Пете Омрыну, когда тот не успевал спрятаться. Только папу берегла, но тут случай вышел чрезвычайный: надо брата спасать.

Отец слушал Валентину, а сам думал: до чего интересные получились детишки, не по годам развитые и чертовски обаятельные. С одной стороны, того и гляди, хлебнешь с ними горя, найдут они приключений на свои шибко умные головы, а с другой – ну загляденье же. Девочка пошла лицом и статью в маму, а мальчик в папу, хотя чаще выходит наоборот. И если у Валентины отчетливо проглядывает русская четвертушка, то в Умке ничего такого не найти без микроскопа. Это порода, думал отец, против нее не попрешь. Сам он был стопроцентный чукча, а вот драгоценная его Наташа – полукровка – и чистая прелесть, за ней парни всех национальностей табунами бегали, да и сейчас люди на улице оборачиваются. Неспроста у чукотских женщин поверье, что рожать хорошо от русских: дети будут красивые и умные. Между прочим, чукотские мужчины, если и не особо довольны этим, помалкивают, ибо результаты налицо – и очень симпатичные результаты.

Отец сильно удивился бы, скажи ему кто, что он сейчас думает о людях, как профессиональный заводчик породистых животных, и это неправильно. Как это неправильно? Насчет племенного разведения чукчи, мягко говоря, не дураки, у них вся история – производство хороших зверей из каких попало; а почему людей нельзя слегка подправить? Извините за выражение, генетическая модификация всего, что подвернется, это наша традиция и народный промысел! Если видно невооруженным глазом, что люди-полукровки берут от обоих народов самое лучшее, то чукчи знают, как эти признаки закрепить в дальнейшем, и ничего предосудительного тут не видят. Один сплошной путь к процветанию. Вон поглядите хотя бы на маленьких Умки: да с этими ребятами Чукотка может завоевать мир без единого выстрела. Если еще захочет. А у нас таких детишек много народилось. Только мы подумаем, однако, стоит ли делиться бог знает с кем своим генофондом...

– А? – переспросил он.

– По-моему, папа, ты заснул, – деликатно сказала Валентина. – Но я могу все повторить.

– Нет-нет, я задачу понял. Ты молодчина, вовремя подняла тревогу. Иди, тащи сюда Умку, я ему задам... направление, в какую сторону думать. И перестань звать его Умкой, а то он сердится очень. Он у нас, понимаешь ли, великий и ужасный чукча по фамилии Умкы...

– Это ты перестань звать его Умкой! – сказала Валентина и рассмеялась так волшебным образом, что отец сгреб девочку в охапку и минуту-другую бежал с ней по кабинету, ворча на ухо ласковые глупости и упиваясь залившимся смехом. А потом бросил взгляд в окно и погрузился в размышления.

Окно выходило на вольер, куда недавно пригнали с выпаса раздобревшую Арктику. У загородки стоял Петя Омрын и гладил будущую мать по хоботу, которым та обнимала ветеринара за плечи.

Отец все еще держал Валентину на руках, девочка крепко прижалась к нему, и вдвоем они молча созерцали эту картину – ну просто идиллическую, если не знать, как худо может обернуться дело.

Для родовспоможения и не дай бог реанимации приготовили все, что можно; чтобы у Пети были на подхвате крепкие умелые руки, отец отозвал из стойбища пару опытных каюров, обучавших Арктику с детства. Пусть вокруг нее будут только родные добрые лица, голоса и запахи. Ничего волнующего и травмирующего.

Главный зооинженер остался в стойбище. Напомнил, что с самого начала возражал против вязки Арктики со Спутником, а старшие товарищи – или старые авантюристы, это как вам больше нравится, – послали его подальше. Если вдруг проблемы при родах, он начнет винить себя, а ему вредно, у него психика ранимая.

Петя тогда шибко вызверился на зооинженера, отнял у директора микрофон и зарычал:

– Что еще за психика?! Хватит строить из себя институтку! У тебя дедушка был пиратом!

Директор посмотрел на Петю очень недобро, остальные просто не поняли, о чем речь, и подумали: Петя обиделся на «старых авантюристов». Андрей сухо ответил, что у любого чукчи с побережья дедушка успел накосячить на расстрельную статью и лично ему за это ужас как стыдно, – и все равно не приехал.

Сторонний наблюдатель сказал бы: тут все на нервах, того и гляди сорвутся, одна роженица молодцом, хотя и здорово опухла. И был бы совершенно прав. Огромная бурая туша весело махала хвостиком, живо зыркала глазом из-под фирменной рыжеватой «чукотской челки» и явно не понимала, чего люди такие хмурые. Вон как старается Петю подбодрить.

– Петю жалко, – сказал отец. – Совсем извелся. Он на нее такие надежды возлагал. Это же его крестница, образно говоря. Его личное произведение искусства. Эх, дедушка ваш не дожил, не увидел Арктику в расцвете сил...

– А разве дядя Петя... Я думала, он только врач. Ну и методист, конечно, вон какие учебники написал...

– Это для вас дядя Петя, а вообще-то – почти легенда. Они с твоим дедушкой в семидесятых задали новый стандарт чукотской породы. С упором на интеллект и подвижность. И методику воспитания, которой теперь пользуются все, они вдвоем отработали. А потом дедушка ее проталкивал через Академию наук. Тебе кажется, всегда так было и не могло быть иначе, а на самом деле – совсем недавно. Наш питомник создавался заново...

Тут отец на миг осекся – кажется, он сказал лишнее, то, чего детям пока не стоит знать, – но Валентина не стала переспрашивать, и он продолжил.

– ...И всю племенную работу дедушка с Петей вели на двоих. В питомнике долго не было главного зооинженера. Мы специально растили сотрудника под эту должность, чтобы Петю разгрузить, и я еще боялся – вдруг Андрей не вернется после института.

Ветеринар наконец оторвался от Арктики и шаркающей походкой удалился. В поле зрения возник дежурный тягач Тормоз, он же Звезда Чукотки Торманс, – обменялся с Арктикой коротким прикосновением хоботами и поспешил за Петей,

клянчить вкусненькое.

– Такой вот у нас дядя Петя. Сколько лет готовился, сколько изучал породу, чтобы появилась на свет эта красотка... Теперь он, мягко говоря, не мальчик и создать новый шедевр просто не успеет... Насколько же все быстрее и проще с оленями и собаками. Про песца вообще молчу.

– Ты бы занимался песцом? – спросила Валентина недоверчиво.

– Дай помечтать-то. Я бы, может, и занялся, да за меня все решили. Если вырос с мамонtenком в обнимку... Куда было деваться.

– Скажи еще, что недоволен.

– Окажись я на песцовой ферме, ваша мама не обратила бы на меня внимания. Поэтому я могу быть недоволен чем угодно, только... Чего опять смеешься? Над отцом смеешься, однако!

Ну да, это было забавно. Легенда гласила, что отец верхом на мамонте с кошачьим именем Пушок – официальная кличка по документам Звезда Чукотки Пушкин – вытащил маму из бурной реки, когда перевернулась лодка. Так и познакомились. Красиво и романтично, ага.

На самом деле отец, тогда еще рядовой оператор-животновод первой категории, привел стадо купаться, увидел, что вода для него лично холодновата, загнал мамонтов в реку, прилег на берегу и задремал. Мимо потихоньку дрейфовала лодка с заглушим мотором и очень грустными пассажирами. Некая девушка из лодки помахала мамонтам и отсигналила рукой «ко мне, на помощь». Пушок все понял, добрался до лодки вброд, осторожно прихватил ее хоботом и мягко потянул к берегу. После чего за борт выпал мертвецки пьяный рулевой. Пассажиры возбужденно заголосили, а девушка бросилась рулевого спасать и тоже упала в воду. Пушок решил, что это совсем уже непорядок. По его команде стадо расхватило всех людей, сухих и мокрых, и форсированным маршем доставило их на сушу, не забыв и лодку. Дальше мамонты долго тормозили своего каюра, чтобы доложить о проделанной работе. Каюр глаза протер, увидел перед собой девицу редкостной красоты верхом на очень довольном Пушке, которому уже перепала буханка хлеба за спасение утопающих... Тут девица и говорит каюру эдак надменно, с высоты своего положения:

– Слышь, ты, зоотехник фигов, у вас все такие раздолбаи? Или ты просто двоечник? Тебе на выгуле положено держать стадо в поле зрения и отслеживать ситуацию вокруг. Почему я должна сама твоим мамонтам подавать аварийный сигнал? И почему ты без бинокля? Где свисток? Где красная нарукавная повязка? А пистолет, однако, где? Куда аптечку подевали, которая должна быть на сбруе дежурного тягача? И кстати, с каких это пор дежурный тягач лезет вперед всех и лично управляет спасательной операцией?

– Да мы же это, – промямлил ошарашенный каюр. – Мы не эти.

– Вижу, что не эти, – кивнула девица. – Вы никакие! Ну и бардак!

– Да вы нас перепутали. Вы, наверное, думаете, мы строители. А мы из питомника. Мы тут просто вот... Пришли эти задницы мохнатые сполоснуть.

– Сам ты задница мохнатая, дрыхнешь на работе, скоро тоже шерстью зарастешь, – сказала девушка, но поглядела на каюра уже более внимательно.

Каюр, в свою очередь, немного осмелел и решил познакомиться.

– Слушайте, милая барышня, – спросил он, – а почему я вас не знаю?

Девушка сменила гнев на милость.

– Потому что я в училище пришла, когда ты уже выпускался, – сказала она. – Ты ведь Иван Умкы, верно?..

Ах, да, ну и воды в реке было, естественно, по пояс.

Но как раз после того инцидента в состав оборудования дежурного тягача официально ввели спасательный круг. Мамонтам очень понравилось его кидать, и теперь соревнования на дальность и точность броска спасательного круга – неременный атрибут всех чукотских праздников наравне с футболом. Все бы хорошо, только мамонты полюбили швырять автомобильные покрышки. С одной стороны, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось, а с другой – приходится следить, чтобы не попала шинка от грузовика. Такая прилетит – не поймаешь...

– Папа, ты опять заснул? – позвала Валентина.

– Нет-нет. Все нормально.

– Папа, дай Умке мамонтенка. Это поможет.

– Где я его возьму? Нет подходящего по возрасту.

– Да вот же. – Девочка указала подбородком на Арктику за окном.

Отец тяжело вздохнул.

– Надо, чтобы выжил хоть один. И что еще из него получится... Вдруг дерганный окажется, нервный.

– Умка говорит, хорошие будут оба.

Отец покосился на девочку с язвительным интересом.

– Однако! Что еще изволил тебе сказать наш юный шаман, говорящий с духами зверей и птиц?

– Вот ты не веришь, а он знает! – Валентина немедленно обиделась за брата и сделала очень серьезное лицо.

– Ладно, ладно... Я тоже кое-что знаю. Мы раньше не догадались как-то поработать с этим, у нас статистики нет. Теперь начнем собирать помаленьку. В общем, каюры говорят, в стаде никто из «бабушек» не смотрел на Арктику как на больную. Они не почувствовали ничего особенного, необычного... Короче, все пока идет нормально. Мы просто не понимаем, чем кончится.

– Хорошо кончится, – пообещала Валентина. – Тогда ты дашь Умке мамонтенка?

– Подумаем, однако. Ну давай уже тащи сюда этого знатного мамонтоведа. Колдуна, понимаешь... И перестань, в самом деле, звать его Умкой! Не заслужил еще. Тоже мне нашелся умка, от горшка два вершка и такой же дурак, как и все!

* * *

Мальчика прозвали Умкой по множеству причин.

Он и правда чем-то неуловимо походил на медвежонка. И тем, как ставил ногу – мягко, но надежно, плавно, но уверенно – и как вообще двигался. В этом маленьком крепыше видна была хорошая местная порода. Чукчи очень твердо стоят на земле, у них даже национальные танцы, если присмотреться – никакого вам легкомысленного порхания и воспарения в небеса, а совсем наоборот; они будто втаптываются в землю, чтобы держаться на ней покрепче. Их можно понять: здесь бывают такие ветра, что, как шутят на побережье, рот открыл невовремя, туда дунуло – очухался уже с полными штанами и на Аляске.

Сдвинуть мальчика с места проблематично, а если он вознамерился куда-то пройти, то либо заслоняй ему дорогу всерьез, либо пропусти. Он никогда не пихался локтями и не толкался, а просто отодвигал препятствие, деликатно, но неумолимо.

Это было уже совсем не медвежье. Ему так в школе и кричали вслед: «Куда прешь, Умка, самый мамонт, что ли?!»

Еще он рос не по годам сообразительным и начитанным, в чем сыграли важную роль отец, дядя Петя и каюры из питомника, только малость заигрались, а ребенку пришлось расхлебывать. Пока мальчика сто раз не высмеяли, он демонстрировал свое интеллектуальное превосходство направо и налево, а особенно любил выступать перед старшими, принимая уморительно важный вид. Родители и прочие взрослые очень старались не покатываться со смеху, зато сверстники не отказывали себе в таком удовольствии, да и Валентина шпыняла брата за то, что выставляет себя клоуном. Вот в это время прозвище Умка и пристало к нему намертво.

Скрытничать и вообще помалкивать он научился только поближе к школе, зато развил в себе эти свойства пугающе быстро. Собственно, пройдя тот период, когда дети сначала ненасытные почемучки, а затем пафосные всезнайки, мальчик стал просто тем, кем был по природе – существом более мечтательным, чем задиристым, и скорее застенчивым, нежели выскочкой.

Привычка ходить напролом у него осталась, да и публично выступить он не стеснялся, уж к этому его приучили сызмальства. Но вдруг разлюбил выпендриваться перед экскурсантами, сильно расстроив отдел продаж, и как-то в целом утратил интерес к повседневной жизни питомника. Зато вспомнил, что у него прадедушка белый шаман, загорелся – и под этим соусом прочел все об истории своего народа, до чего только могла докопаться такая кроха в открытых источниках. И начал, как говорила Валентина, «играть в чукчу», чем измучил всю семью до крайности.

Нет-нет, с национальной гордостью на Чукотке порядок. Отчего бы не погордиться собой, если твои предки – самые отмороженные бойцы в истории. Воспитание чукотского воина начиналось, как мы уже знаем, в пять лет. С этого времени ребенок спал исключительно стоя, привалившись к пологу яранги, обучаясь сквозь дремоту слышать любой шорох и реагировать на него. А «выпускной экзамен» выглядел так: мальчика посылали добыть какого-нибудь зверя, но следом бесшумно крался отец, и едва ему казалось, что сынок расслабился – посылал своему отпрыску стрелу в задницу. Никакие индейцы, да чего там, никакие самураи до такого не додумались... Здесь торговля с русскими велась поначалу строго через острие копья, и сама Екатерина Великая требовала «немирных чукок истребить вовсе», настолько они были зловередные. Чукчи – единственный народ, не покорившийся русской военной силе. Русских тут оценили высоко и удостоили прозвища «тоже люди», но все равно плевать на них хотели. Понятно, что, продлись завоевание Чукотки не жалкие сто лет, а допустим, триста, вопрос решился бы самым романтическим образом – путем сведения числа непокорных до нуля. Но последний на планете чукча послал бы оккупантов так же далеко, как посылали все его соплеменники. По счастью, русским ста лет хватило, чтобы заподозрить неладное и сначала убраться восвояси, а потом вернуться с пряником вместо кнута... А теперь давайте честно: на всю эту героику нынешние чукчи глядят со свойственным им юмором. В исполнении очень серьезного и увлеченного мальчика рассказы о чукотской воинской доблести звучали так, что сдохнуть можно. Нет, ребенок все правильно говорит, но... Сначала над ним хохотали, а потом он надоел. Зато все запомнили: этот молодой человек не какой-то там Умка, а Умки. Но звать его Умкой не перестали.

А мальчик просто искал ответ на самый главный вопрос: отчего он такой особенный, что слышит тихие голоса зверей – и еще с ним говорит море. Свойство ли это всякого природного чукчи, которое надо только разбудить в людях, – или сказалась кровь белого шамана? И если родные открыто признают за тобой некий талант, почему они планируют запретить тебя в питомнике,

словно племенного зверя, а не выпустить на простор, где талант сможет развернуться в полную силу?

Одного не отнять: маленький Умка, озабоченный этой своей проблемой, волей-неволей учился быть внимательным, слушать всех, анализировать наблюдения и копить знания. Сестра Валентина своей детской еще, но все равно женской интуицией раньше других уловила, какой ценный кадр намылился удрать из семьи за семь морей. Конечно, девочка забила тревогу раньше времени и сделала только хуже: Умка понял, что просто так с него не слезут.

Оставалось придумать, как себя вести, чтобы родители не расстроились. Наверное, лучше прикинуться чукчей. Огорчать маму и папу Умка не хотел. А сестрице он потом при случае напихает снега за шиворот. Вот подрастет – а то Валентина шибко здоровая – и все ей припомнит.

Когда его позвали в кабинет директора, он уже примерно знал, что услышит.

* * *

– Не ждал я так рано этого разговора, но... – сказал отец. – У меня условие одно. Получи сначала нормальную земную человеческую профессию, а дальше поступай как знаешь. Выучись на КТС, чтобы я был спокоен: тебе с этим дипломом все дороги открыты – хоть в тундру, хоть в тайгу!

Сказал и сам засмеялся.

И Умка засмеялся тоже, совсем не притворяясь. Он папу любил и верил ему безусловно. Тот не требовал невозможного. И слово его крепко: выполни свою часть договора, папа выполнит свою. Через силу, зубами скрипя, но выполнит. Папа в жизни никого не обманул. Он только жене ветеринара иногда врет по телефону, будто дядя Петя умотался на работе и прилег отдохнуть. Это потому что папа добрый и ему ради друга себя не жалко.

– Возвращаясь к нашим мамонтам... Слышь, ты, шаман, однако, чего сестре наплел про Арктику?

Умка пожал плечами.

– Все хорошо будет. Ее когда пригнали...

Он на миг замялся.

– Я знаю, ты к ней ходил.

– Пап, я ее послушал. Ну... Послушал. С ней все в порядке, и маленькие себя нормально чувствуют. Дядя Петя то же самое говорит, правда?..

Отец неопределенно хмыкнул. Петя Омрын, закончив последнее исследование, пожаловался, что у него бессонница на нервной почве, и перебить этот стресс можно только русским народным способом. Накатил огненной воды и теперь удовлетворенно храпел в ветслужбе. А директору пришлось звонить ему домой и заливать жене Заслуженного ветеринарного врача Чукотского автономного округа про тяготы и лишения работы в предродовой период. От каковых тягот и лишений Петя валится с ног, и к ужину его не ждите. Это было гуманно – пьяного Заслуженного ветврача супруга зверски пилила и даже иногда поколачивала, – но все равно неприятно, уж больно директор не любил врать.

А с сыном отец сделал то же, что и с дочерью: схватил в охапку, поднял и встал у окна. Правда, самостоятельный Умка тут же утвердился ногами на подоконнике.

– Гляди, какая проблема с ней, – сказал отец, указывая подбородком на бурую волосатую махину в вольере. – Ты услышал ее верно, Арктика справилась с вынашиванием, оба плода в порядке. Все может идти прекрасно до момента родов. Но сами роды – сильный удар по организму. Арктика получит двойной удар. Как она его перенесет, никто понятия не имеет. У слоних вероятность зачатия двойни в районе одного процента, обычно все остаются живы, и мама, и потомство. Только это данные по наблюдаемым слонам, здоровым и сытым, а как они рожают в дикой природе – кто знает? Что касается мамонтов, это первый известный случай на Чукотке, опыта никакого нет. Есть информация по двойням из Якутии, и она тревожная...

Умка на подоконнике заерзал и засопел, намереваясь высказаться.

– Да-да, там другие мамонты, ну прямо совсем другие, а ты отца не перебивай, однако! Мамонт – он и в Африке мамонт!

Умка прыснул, отец тоже.

– Сам-то понял, чего сказал?

– Я-то понял, однако, а вот кто тебя научил так со взрослыми разговаривать?

– Папа! – бодро доложил ребенок.

Отец протяжно вздохнул. Действительно, сам и научил. Однако разбаловали детей до крайности, позволяем им ужас сколько. В этом есть своя правда: мы ведь хотели, чтобы новое поколение выросло лучше нас, стало независимым и смелым, много знало и умело. Мы дали нашим любимым маленьким человечкам то, чего у нас не было, о чем сами и мечтать не могли. Только умнее и взрослее маленькие человечки не становятся. Наоборот, они теперь заметно дольше остаются детьми. Образованными и раскованными, но – детьми.

Надо все время помнить: вот это существо, которое иногда говорит совсем как взрослый, оно – ребенок. У тебя не должно быть иллюзий на его счет. Не позволяй ему запудрить тебе мозги. Иначе оно подставится. Со всей своей милой детской непосредственностью оно ляпнет что-нибудь очень серьезное, а ты чисто машинально, не думая ничего плохого, ответишь тоже не по-детски. Командовать, наезжать и показывать всякой мелюзге, где ее место, ты умеешь очень резко и убедительно. Дело не в словах, дело в интонации. Ты огрызнешься через плечо, не глядя – и ребенок просто сломается.

Он не поймет, что с ним всего-навсего пообщались без скидок на возраст и жизненный опыт; он решит, что папа его почему-то возненавидел.

Отец представил, как это может получиться, и его пробил нервный озноб.

Захотелось хлопнуть огненной воды – и упасть без чувств в ветслужбе рядом со старым хитрецом Петей.

А Умка с подоконника разглядывал Арктику – и ждал, не торопил папу, больше не перебивал его, хороший мальчик...

– Два случая было у якутов, – произнес отец хрипло. Откашлялся. – Один раз мать не доносила и, говорят, только поэтому осталась жива. Другой раз у матери была остановка сердца, ее чудом откачали, а детеныши родились очень слабые и не дотянули даже до года. Вот я чего опасаюсь, вот почему дядя Петя на нервах. Понял?

– Она знает, – сказал Умка. – Я видел, как она дядю Петю пыталась утешить. Вы за нее волнуетесь, а она переживает за вас. И не может понять, в чем дело. Получается, вы оба – стрессоры. Ты учил меня, что стрессор надо по возможности устранять. А вас нельзя устранить из питомника. Может, вы как-то... Сами перестанете?

– Ишь ты, – только и сказал отец.

Ему хватило секунды, чтобы понять: малыш-то прав. Но...

Еще раз: это – ребенок. Ну да, одаренный ребенок, с которым общается все живое, что-то шепчет ему на ухо. Но в первую очередь Умка – потомственный животновод, натасканный на тему, как любой сотрудник питомника. Он теоретически подкован не хуже иного каюра, а практически вытянет на крепкую тройку взрослый норматив по выживанию с мамонтом в ледяной пустыне. Сначала поплачет немного, а потом соберется с духом и справится. Короче, парень тренированный и дрессированный. Значит, есть вероятность, что мальчиком сейчас руководит вовсе не его уникальное чутье, а заученный с пеленок чужой опыт. Набор знаний и решений здесь примерно одинаковый у всех. Поэтому взрослые слегка паникуют, а у маленького Умки включился механизм торможения, детское нежелание встречать беду лицом к лицу. Ничего ему Арктика не нашептала, это простое самовнушение, так психика ребенка защищается от возможной травмы. Малыш просто не хочет бояться – и не будет.

Наш ветеринар тоже расхотел бояться, пьяная скотина...

До чего же проще с собаками! Их не надо растить по двадцать лет. С ними можно жестко, сурово, по-деловому, к ним не прикипаешь душой до такой степени. Ну, это уже я себя обманываю. Собаководы тоже плачут... До чего же

легче с песцом! Вот где конвейер, самое обычное производство... Однако я так до курятника додумаюсь! А там наверняка свои проблемы.

– Если все пройдет нормально... – Он крепче обнял сына. – У меня персональный мамонт появился в восемь лет. И тебе уже восемь – самое время.

– Папа, твой мамонт погиб, – очень спокойно произнес Умка.

Отец закрыл глаза.

Так вот ты какая, детская непосредственность, однако.

Вдох-выдох, еще раз вдох-выдох. Это ребенок. Честно ляпнул, что думает. Ты его сам и научил быть откровенным.

Мамонты гибнут очень редко. И что бы ни случилось, виноват оператор, это его промах. Мамонт от рождения привыкает к мысли, что в связке с человеком совершенно неуязвим и чертовски умен; человек подправит на курсе, подскажет верное решение, объяснит все непонятное; вдвоем они выйдут из любой передраги и свернут любую гору. Даже без наездника на загривке мамонт воображает, будто у него четыре глаза, две головы и среднее специальное образование. Раньше он был просто царем зверей, а теперь властелин мира. Естественно, животное начинает переоценивать свои силы. Эта проблема хорошо известна каюрам; их специально учат, как деликатно одернуть зверя, если возьмет на себя лишнее. Молодых часто приходится тормозить, пока не надорвали спину. Но каюр не может страховать подопечного каждую секунду. И не должен, строго говоря.

Потому что мамонт и без человека властелин мира. Просто в одиночку ему это неинтересно и незачем. Все равно пусть учится и привыкает. Мало ли, вдруг люди вымрут. Кто-то должен остаться присматривать за собаками.

– Мамонты гибнут очень редко... – сказал отец, когда отдышался. – И всегда по вине оператора. Я недоглядел, а Пушок... Ему вообще не стоило дергаться, ничего страшного не случилось бы. Но Пушок был уже тогда младший лидер на питомнике и вообще по жизни лидер, настоящий вожак, очень ответственный. Он хотел как лучше. Я просто не успел его остановить. В общем, нелепая случайность.

– Я знаю. Но тебе было плохо, ты сам говорил. И мама рассказывала. Мне будет еще хуже, чем тебе. Намного больнее. Я не хочу.

«Ну, конечно, не хочешь, – подумал отец, – ты ведь знаешь, как надо поступить со смертельно раненным мамонтом, которого не спасти.

А еще есть запись в журнале по технике безопасности: В. И. Умкы и В. И. Умкы проинструктированы о действиях персонала при впадении животного в стойкое аффективное состояние. Я, как ответственное лицо, а не как отец, просто обязан был рассказать вам, что мы должны сделать, если мамонт потерял контроль над собой и пошел вразнос. Помню, какими глазами вы на меня глядели.

Серьезными, внимательными, все понимающими, взрослыми глазами. Но что именно вы для себя поняли?

Валя, кажется, в тот самый день окончательно прикипела душой к мамонтам, постигла всю меру нашей ответственности за них. А ты, милый мой Умка? Неужели эта стена между тобой и питомником выросла именно тогда?»

– Боишься? – спросил он непонятно зачем.

Наверное – хотел взять сына «на слабо»: мальчишки не любят признавать, что им страшно.

– Боюсь. Я за них за всех боюсь. Они такие... Совсем как дети у нас в школе. Думают, что крутые, а сами очень ранимые.

– Ну правильно. Вот и бойся за мамонтов, а не за себя. Ты-то – человек, однако! Человек это звучит гордо. Человек может осилить что угодно. А человек с мамонтом, особенно если настоящий человек [4 - Само название чукчей (в устоявшейся русской транскрипции – луораветлан) – «настоящие люди»; русские – «тоже люди»; все остальные, строго говоря, людьми не считаются.], дай ему точку опоры – он перевернет Землю!

– Папа...

– У нас такая работа, – отца понесло, – мы делаем мамонтов. Лучших в мире! Самых пушистых, самых умных, самых добрых. Работа трудная, иногда бывает

худо, случается терять дорогих тебе... товарищей. Ну так на то мы и настоящие люди, что не сдаемся!

– Папа, – мягко перебил Умка. – Пожалуйста, не надо.

Поглядел своими взрослыми понимающими все глазами – и отец сдался. Проглотил комок в горле. Снова крепко обнял сына.

– Ты же знаешь, как я тебя люблю.

– И я тебя, папа, – мальчик поворочался, глубже зарываясь в теплые надежные объятия. – И Валя тебя обожает. Не сердись на нее.

– За что?

– Ну это она все затеяла.

– И хорошо сделала. Ладно... Мы с тобой обо всем договорились?

– Я получу диплом КТС, – скучным голосом доложил Умка. – И тогда могу идти хоть в тундру, хоть в тайгу, хоть на Северный флот.

– Однако! – Отец крикнул. – Про Северный флот мне никто не говорил.

– А куда еще? – удивился Умка.

– На подводную лодку?!

– Зачем?!

– Точно не на подводную лодку?!

– Пап!

– И на том спасибо, однако...

– Да чего там интересного, под водой, если моря не видно и не слышно.

– Много ты его увидишь, сидя где-нибудь в машинном. Или на посту управления огнем. Боевой корабль это тебе не яхта, однако. Это железный ящик, закрытый наглухо...

– Я буду иногда выглядывать, – сказал Умка и посмотрел на отца так проникательно, что полностью его добил.

Стало окончательно ясно, что это все не шуточки, что сын видит папу насквозь и знает про него куда больше, чем тот хотел бы.

«Раскусил он меня, однако, – подумал отец. – Мой дар в десять раз слабее, но мы одной крови, потомки белого шамана, говорившего со всем живым на тайном языке, – конечно, парень чует во мне не просто родича, но союзника, нюхом чует».

«Как здорово, что папа все-все понимает и совсем не сердится, – подумал мальчик.

«Наверное, так же мой старик мучился, когда увидел: старшие дети, самые одаренные, уйдут из дома навсегда, – подумал отец. – И остался в питомнике один я, добрый парень, да не шибко толковый. А у меня, значит, Валя останется. Прекрасная девочка, прирожденная заводчица, но... Не талант. Судьба, что ли? Поколение за поколением лучшие из Умки покидают Чукотку».

«Интересно, – подумал мальчик, – отчего папа не хочет говорить о том, что чувствует, а я стесняюсь его спросить. Ничего, вырасту, наберусь смелости – и тогда спрошу».

«А с другой стороны, – думал отец, – талантливые люди, они вроде особо умных мамонтов – нестабильные. Долго ищут свое призвание. Много страдают из-за этого. Мне не надо, чтобы парень страдал. Если у него душа шамана, значит, я уже здорово навредил ему своим конкретным чукотским воспитанием. Шаман должен видеть себя во всем и чувствовать весь мир в себе. Шаман – мягкая сила. А этот научился от взрослых плохому: рубить сплеча и упираться лбом даже когда не надо. Только потому, что взрослые так делают... Отпускать тебя пора, мальчик, отпускать. Но как не хочется!...»

– Беги к сестре, я тут поработаю немного, – сказал он, пряча глаза.

– Пока!.. Ой! Забыл! Мы клички хорошие нашли! Давно нашли!

– Не надо уже, – процедил отец.

Вспоминать, как битый месяц просидел дурак дураком над энциклопедией, ему сейчас было стыдно.

– Ты сам придумал?

– Сам.

– А какие?

– Не скажу. Плохая примета. Веселые такие клички, много смеяться будем, хе-хе... Или плакать, я еще не решил.

– А вдруг наши лучше?! Ну, па-ап!

– Да шли бы вы, однако... Нет. Отставить. Подадите клички на рассмотрение в письменном виде. Комиссия по присвоению имен новорожденным оценит вашу инициативу, а там видно будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Питомник «Звезда Чукотки» использует принцип именования, характерный для скотоводства, когда клички животных, родившихся в один год, начинаются с определенной буквы алфавита, от А до Я и далее по кругу; полная официальная кличка животного состоит из названия питомника и собственного имени, например, Звезда Чукотки Корифей. Помимо клички животному присваивается номер.

2

Кынтагыргын (чукотск.) – удача; счастье в значении «удача».

3

Умкы (чукотск.) – медведь (в значении «взрослый белый медведь-самец»); произносится с ударением на последний слог.

4

Само название чукчей (в устоявшейся русской транскрипции – луораветлан) – «настоящие люди»; русские – «тоже люди»; все остальные, строго говоря, людьми не считаются.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-divov/rodina-slonov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)